

Погребальное пространство Пермского Предуралья эпохи Средневековья*

А. В. Вострокнутов

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-6133-0503. E-mail: art-vostr@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена важному аспекту изучения мировоззрения человека – погребальному обряду. Целью работы является выявление мировоззренческих особенностей населения Пермского Предуралья, которые проявляются через практические особенности расположения средневековых могильников. Были проанализированы некрополи, относящиеся к ломоватовской и родановской археологическим культурам. Составлено описание нахождения площадок могильников с точки зрения геоморфологии и относительно других географических ориентиров. Для удобства анализа в программе Quantum Gis была создана настольная геоинформационная система «Средневековые погребальные памятники Пермского Предуралья». Также были привлечены данные этнографии. Благодаря этому было установлено, что средневековый могильник на интересующей нас территории наиболее вероятно располагается в пределах окружности с радиусом около 1 км, центром которой является поселение. Данный вывод позволяет прогностически подходить к изучению пространства вокруг поселений. Были установлены различия в расположении погребальных памятников VII–IX вв. от более поздних (начиная с X в.). Помимо вышеуказанного, месторасположение погребальных памятников было рассмотрено с мировоззренческих позиций. Так, например, проанализировано значение воды в погребальном обряде. Могильники могут располагаться как выше, так и ниже по течению от поселений. На основании аналогичных данных с территории Западной Сибири мы можем утверждать, что такая разница в расположении некрополя может указывать, в том числе, на отличие одной группы населения от другой. Таким образом, анализ погребального пространства для населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья позволяет подойти к изучению данного периода с нескольких сторон, что, в свою очередь, дает возможность не только более глубоко проанализировать социокультурную ситуацию в регионе, но и прогностически подходить к поиску новых памятников археологии.

Ключевые слова: археология, могильник, мировоззрение, месторасположение, река.

Жизнь человека всегда зависит от окружающего его пространства, будь то природа и первобытная культура, во многом зависящая от нее, или современные технополисы, которые во многом влияют на природу.

Это пространство участвует, помимо чисто потребительских факторов, и в формировании его взглядов на многие сферы своей жизни.

Человек окультуривает окружающее его природное пространство: развивает сельское хозяйство, прокладывает пути сообщения, строит поселения, копает каналы. Сюда же можно отнести и похороны умерших. Создавая некрополи, человек не только технически изменяет пространство, отделяя его погребальную часть (могилы, ограды на кладбищах, ранее – курганы, катакомбы, пещеры и так далее) от жилого пространства, но и наделяет его особыми сакральными, священными для него смыслами.

По мысли исследователей, сакральное пространство – это значимые точки пространства, места концентрации положительной и отрицательной информации [18, с. 80]. Священное, по утверждению Мирчи Элиаде, это то, что противопоставляется мирскому [25, с. 17].

Пространство некрополей, отделенное от жилого пространства, на котором проводился погребальный обряд, поминальные тризны, фиксируемые как археологически, так и этнографически, все это является частью сакрального.

Целью данной работы является выявление мировоззренческих особенностей населения Пермского Предуралья, которые проявляются через практические особенности расположения средневековых могильников. То есть, что расположение некрополя значило для населения, его оставившего.

Хронологические рамки работы – VII–XIV вв. н. э.

В этой связи мы проведем анализ пространства средневековых некрополей по следующим направлениям:

- по топографии на макроуровне (особенности расположения площадки могильника непосредственно «на местности»);

- по экономике (анализу будет подвергаться расстояние от погребального памятника до поселения (поселений), которое данный могильник «обслуживал», то есть главным образом речь здесь идет о трудозатратах);

- по семантике (то есть собственно сакральное пространство).

Поскольку изучение пространства погребальных памятников с точки зрения погребального обряда, а также анализ его на микроуровне являются предметом отдельного исследования, для данной работы мы остановимся лишь на трех вышеуказанных аспектах.

Топография средневековых некрополей

К макроуровню географического описания пространства можно отнести описание его расположения на местности относительно других географических ориентиров: рек, гор, оврагов, логов, холмов, также особенности непосредственного расположения (склон, терраса, берег) и так далее.

Описание места расположения могильника, как и любого другого археологического памятника, является неотъемлемой частью при публикации его материалов.

В «идеальных» условиях около каждого поселенческого памятника археологии Пермского Предуралья находится некрополь этого времени. Это могло бы не соблюдаться, если бы население вело кочевой образ жизни, и было бы вынуждено оставлять своих умерших или погибших родственников по ходу движения кочевой группы. В нашем случае все указывает на оседлое проживание. Следовательно, население должно было долгое время пользоваться одной и той же площадкой для погребения (по крайней мере, они должны синхронизироваться). Интересно отметить в связи с данным тезисом, что незадолго до исследуемого времени, в V–VI вв., мы можем частично наблюдать обратную картину, когда на группу поселений приходится один могильник. Это особенно хорошо видно по Туйско-Полуденской территориальной группе археологических памятников и в Сылвенской группе. С другой стороны, севернее, на территории Лологской, Велвинской и Гайнской групп памятников хорошо прослеживается связь поселение-могильник [6].

У населения Туйско-Полуденской территориальной группы (современный запад Добрянского района и юго-восток Ильинского района Пермского края) в V–VII вв., наоборот, на значительное количество поселенческих (14) памятников археологии (даже если учитывать их неодновременное существование) всего два могильника. Среднее расстояние от могильников до поселений – около 3 км [7, с. 105].

Среди имеющихся погребальных памятников VII–XIV вв. н. э., то есть оставленных носителями ломоватовской и родановской археологических культур научному изучению (раскопкам) подверглось 22 некрополя. Следовательно, мы можем с достаточной уверенностью говорить об их хронологической принадлежности. Каковы же их особенности расположения?

Аверино I. Могильник расположен на склоне мыса правого коренного берега р. Камы. Памятник датируется XI–XIII вв. [10, с. 34, 81].

Аверино II. Расположен рядом с Аверинским I могильником, но датируется более ранним временем – VI–IX вв. [12, с. 124].

Могильники **Агафонов I** и **Агафонов II** расположены на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Камы. Памятники находятся рядом друг с другом. Датируются весьма широко – V–IX вв. [9, с. 202].

Вокруг Аверинских и Агафоновских могильников расположено множество селищ.

Антыбары. Могильник расположен на высоком коренном правом берегу р. Чусовой, левого притока р. Камы. Площадка памятника имеет уклон к западу. Напротив памятника в русле Чусовой находится остров Шарапиха. Могильник датируется XI–XIV вв. [19, с. 48].

Баяновский могильник занимает площадку на коренной террасе, являющейся частью правого берега р. Исток, правого притока р. Вильвы, левого притока р. Косьвы, левого притока р. Камы. Могильник значительно удален от русла реки (0,4 км к югу от памятника). Интересной особенностью Баяновского некрополя является нахождение на его площадке карстовых воронок, которые существовали уже на момент функционирования могильника, что подтверждается планиграфически. Ближайший поселенческий памятник, Лаврятское городище, находится в 2 км к югу от могильника на левом берегу р. Вильвы. Памятник датируется А. В. Даничем IX – первой половиной X в. [14, с. 7].

Важгортский I могильник находится на высокой надпойменной террасе левого берега р. Велвы, левого притока р. Иньвы, правого притока р. Камы. Площадка памятника имеет небольшой уклон в сторону реки. Ближайшим поселенческим памятником является Важгортское II селище. Датируется VIII–IX вв. [9, с. 197].

Деменковский могильник находится на склоне коренного правого берега Обвинского залива Камского водохранилища. Ранее это был правый берег р. Обвы. С запада площадка могильника ограничена логом, с севера – разливом водохранилища. Ближайшие поселенческие памятники – Назавровские селища (I и II), а также Назаровское городище – расположены в 6 км к северо-востоку. Могильник датируется VII–IX вв. [9, с. 194].

Запосельский могильник расположен на склоне берега Чашкинского озера, которое является левобережным старичным образованием р. Камы. Площадка могильника имеет небольшой уклон к озеру, к западу. Ближайшие поселенческие памятники – селища Чашкино I, II (расположенные в 0,9 км к северу и югу соответственно) и Запоселье (0,4 км к югу). Датируется VIII – первой половиной XI в. [1, с. 480].

Каневский могильник расположен на высоком правом коренном берегу старицы р. Велва. Данный могильник датируется VIII–IX вв. [9, с. 197]. Ближайшее поселение к могильнику – одноименное селище, находится в 0,2 км к западу от некрополя, ниже по течению реки, на момент, когда старица была еще руслом.

Кыласовский могильник находится на правом коренном берегу Камского водохранилища. Ближайший поселенческий памятник – городище Анюшкар, которое находится в 1 км к юго-востоку, ниже по течению. Памятник датируется X–XII вв. [20, с. 146].

Митинский могильник имеет две части: раннюю курганныю и более позднюю – грунтовую. Как отмечает исследователь данного памятника Д. В. Шмуратко, захоронения осуществлялись здесь без хронологического разрыва. Грунтовая часть некрополя расположена на склоне коренного левого берега р. Кычдез, правого притока р. Косы, левого притока р. Камы. Курганный памятник датируется VI в., а грунтовая – VII–IX вв. [24, с. 63].

Огурдинский могильник расположен на правом берегу Камского водохранилища. Площадка памятника занимает дюнные образования и пространство между ними на надпойменной террасе между Камой и ее старичным образованием Черное озеро. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова датируют данный некрополь X – первой половиной XI в. [4, с. 214].

Плесинский могильник расположен на мысу, образованном склоном высокого коренного левого берега (ок. 20 м) реки Камы и оврагом. В. А. Оборин датирует Плесинский могильник IX–X вв. [22, с. 7, 29].

Плотниковский могильник находится на коренном левом берегу р. Зюльган, левого притока р. Иньвы, правого притока р. Камы. Интересно отметить, что площадка памятника находится недалеко от стрелки рек Зюльган и Иньва. Памятник датируется XII–XIV вв. [17, с. 171].

Пыштайнский II могильник расположен на выступе коренной террасы, образованном двумя логами. Памятник датируется VII–IX вв. [21, с. 384–385]. Рядом с памятником расположены одноименные селища.

Редикарский могильник расположен на склоне пологого холма правого берега р. Вишеры, левого притока р. Камы. Ближайший поселенческий памятник, одноименное городище, находится ниже по течению в 1,1 км к юго-западу. Памятник датируется X – началом XI в. [3, с. 32, 49].

Рождественский могильник расположен на коренном левом берегу р. Обвы, правого притока р. Камы. Площадка некрополя имеет небольшой уклон в сторону реки. Естественной восточной границей служит Постанововский лог, имеющий ближе к устью значительные размеры. Расположенное рядом Рождественское городище, которое является ближайшим поселенческим памятником, находится в 0,2 км к западу от некрополя. Н. Б. Крыласова датирует Рождественский могильник концом IX – концом XI в. [16, с. 110].

Могильник **Степаново Плотбище** расположен на правом берегу Камского водохранилища. Площадка памятника занимает часть небольшого полуострова, находящегося в пойме. Ближайшим поселенческим памятником является селище Степаново-Плотбище, расположенное в 0,5 км к северо-востоку, а также Роданово городище в 2,8 км по тому же направлению. Памятник датируется А. В. Даничем IX–XI вв. [13, с. 54].

Могильник **Телячий Брод** расположен на мысу коренной террасы правого берега р. Усьвы, правого притока р. Чусовой, левого притока р. Камы. Могильник находится над площадкой селища Телячий Брод I, которое отделяет его от реки. Данное селище расположено в 0,2 км к северо-востоку от некрополя. Могильник датируется периодом с VII по XIV в. Интересной особенностью памятника является канавка, которая отделяет раннюю его часть (VII–IX вв.), расположенную на оконечности мыса, от поздней (XII–XIV вв.) [15, с. 24].

Урынский могильник находится на небольшой возвышенности (надпойменной террасе) левого берега р. Онолвы, которая является левым притоком р. Косы, правого притока р. Камы. В 200 м выше по течению в Онолву впадает р. Урья. Датируется В. Ф. Генингом VIII–X вв. [8, с. 1, 14]. Ближайший поселенческий памятник к данному некрополю, Боринское городище, находится в 1,2 км к востоку и юго-востоку.

Щукинский могильник расположен на небольшом мысу коренного правого берега р. Камы. Северной и северо-западной границей служит лог, западной – р. Кама. Р. Д. Голдина и В. А. Кананин датируют Щукинский могильник VI–IX вв. [12, с. 118].

Стоит отметить, что особенностью расположения могильников, датируемых периодом до X в., является размещение их площадки на склоне террасы. Исключение здесь составляют «поздние» Аверинский I могильник и могильник Плотниково. Однако в случае с Аверинским I могильником мы можем наблюдать рядом Аверинский II могильник, который датируется более ранним временем. Если мы предположим, что оба памятника оставлены одним населением, то ничего удивительного в расположении более позднего могильника на такой площадке нет.

Население Пермского Предуралья, начиная с X в., начинает хоронить своих умерших соплеменников на некрополях, расположенных на коренных берегах, иногда значительной высоты над поймой или окружающей местностью. Исключением здесь являются могильник Плотниково, который более похож по топографии на более ранние некрополи, хотя датируется позже них, и могильник Степаново Плотбище, расположенный в пойме Камского водохранилища, из-за чего говорить об особенностях его расположения до затопления сложно.

Единой особенностью всех некрополей является их привязка к реке, то есть к воде.

В целом погребальные памятники занимают с геоморфологической точки зрения одни и те же части рельефа – коренные берега. В случае с более ранними могильниками – это чаще всего склоны, а с более поздними, в основном, более ровные края террас.

Следует отметить, что этой чертой ломоватовские и родановские могильники отличаются от соседних неволинских, расположенных южнее. Неволинские могильники (то есть памятники VI–IX вв. в Сылвенско-Иренском поречье), как отмечают Р. Д. Голдина и Н. В. Водолаго, располагаются в различных топографических условиях: у подножия возвышенности или при невысоком пологом холме на значительном удалении от реки, на высоких берегах рядом с городищами, на коренном берегу реки, на второй надпойменной террасе, в невысоких поймах [11, с. 66].

В данном контексте, очевидно, мы можем говорить о различии в мировоззрении северного населения, оставившего ломоватовскую и родановскую культуру, от южного, оставившего неволинскую культуру.

Месторасположение некрополей относительно поселений

Каждый погребальный памятник (и это естественно) связан с определенным поселением. Проведя пространственный анализ месторасположения могильников, мы сможем выявить примерный радиус, в зоне которого находится поселение, население которого и оставило тот или иной могильник. В случае, если оно (поселение) не сохранилось, либо не выявлено, мы можем пользоваться данными анализа в качестве прогностической модели.

Для пространственного анализа нами была создана ГИС «Средневековые погребальные памятники Пермского Предуралья». Анализ осуществлялся при помощи программы Quantum Gis, находящейся в свободном доступе. В данную ГИС вошли слои, позволяющие понять как социокультурную обстановку в данном регионе в интересующий нас период времени, так окружающее пространство, в котором находятся памятники археологии. Мы выделили следующие слои.

Для пространства:

- Речная сеть (данные Open Street Maps, а также Научно-исследовательского геологического института) в виде векторного слоя
- Рельеф (данные Aster и Научно-исследовательского геологического института) в виде векторных и растровых слоев

Для памятников археологии:

- Слой средневековых могильников
- Слой поселений
- Слой городищ

Сопоставление этих слоев позволило определить те поселенческие памятники, которые пользовались определенным могильником в качестве места погребения своих умерших жителей. Для этого необходимо выяснить, на каком максимальном расстоянии мог находиться некрополь от поселения. То есть мы говорим здесь о трудозатратах, необходимых для похорон.

В археологических исследованиях, благодаря привлечению этнографии, вокруг поселений выделяются пятикилометровые экономические зоны. За основу взят принцип сохранения сил. Таким образом, чем дальше от поселения, тем менее экономически освоено пространство [2, с. 4–6].

Но в таком случае справедливо задать вопрос, как максимально далеко от поселений должны располагаться некрополи? При решении его мы получим возможность прогнозировать расположение древних могильников, либо поселений, которые еще не выявлены.

Говоря о трудозатратах, нам видится возможным использовать этнографические данные. Поэтому нами было предпринято небольшое исследование близости кладбищ к современным поселениям, расположенным примерно в тех же местах, что и анализируемые средневековые могильники. Сравним полученные результаты с этнографическими данными.

Обратимся к современным этнографическим данным, которые легко получить при анализе карт и спутниковых снимков. Нами была составлена таблица (см. таблицу 1), куда вошли данные о кладбищах 100 поселений (деревень и сел, а также двух городов). Поселения эти расположены в тех же районах современного Пермского края и Кировской области, что и интересующие нас погребальные памятники средневековья. При анализе полученной таблицы можно сделать вывод о том, что минимальное расстояние от кладбища до поселения – 0,1 км, максимальное – 2,8 км. Если вывести среднее арифметическое для всех 100 кладбищ, то мы получим число, равное примерно 0,9 км. Таким образом, чаще всего кладбища располагаются в пределах окружности с этим радиусом, центром которой является поселение.

Интересно отметить, что часто встречается ситуация, когда одно кладбище обслуживает несколько поселений, расположенных в ближайшей округе. Точно такую картину мы наблюдаем при картографировании северных Аверинских и Агафоновских могильников – они «окружены» селами.

Но как это можно применить для археологических памятников? Если мы посмотрим на таблицу расстояний между могильниками и поселениями, то увидим ту же картину. Для некрополей, речь о которых идет в настоящей работе, минимальное расстояние от поселения до могильника – 0,1 км, максимальное – 2,5 (см. таблицу 2). В данный анализ вошли 49 поселений (селищ и городищ). Таким образом, среднее расстояние от населенного пункта до могильника составляет приблизительно 0,8 км. Учитывая поправку на рельеф, можно считать наиболее вероятным расположение могильника внутри окружности радиусом 1 км (+/-), центром которой является поселение. Таким образом, этнографические данные полностью подтверждают археологические.

Следует отметить, что «идеально» данным критериям соответствуют могильник Кыласово и городище Анюшкар, Рождественский могильник и одноименное городище, могильник и селище Канево, могильник, селище и городище Телячий Брод, а также близкое к ним городище Лисьи гнезда, Урынский могильник и городище Борино. Отдельно следует отметить ситуации, когда с могильником или с двумя могильниками соседствует множество селищ: это могильник Пыштайн II и селища Пыштайн, могильники Аверино I, II и селища Аверино и Харино, могильники Агафоновские I, II с сопутствующими Курьинскими селами, Плотниковский могильник и три Плотниковских селища.

Применение принятого нами условного расстояния в 1 км от поселения до могильника в некоторых случаях оказывается недостаточно ввиду значительного удаления некрополей от поселений. Не попадают под эту схему только несколько некрополей: Баяново, Деменки, Щукино и Огурдино. В случае с первыми двумя могильниками следует отметить, что поселенческие памятники рядом есть, но они отстоят далеко от потенциальных мест захоронений – более чем на 2 км.

На наш взгляд, это говорит о недостаточной изученности близлежащих к могильникам территорий с целью поиска поселенческих памятников. В случае с могильником Деменки может иметь место быть также антропогенный фактор – наполнение Камского водохранилища, вследствие чего обширные земельные площади ушли под воду.

Таким образом, большая часть интересующих нас могильников попадают под выработанный критерий в расстояние в 1 км (+/-) до поселения.

Расположение некрополей относительно поселений разнится. Мы можем видеть, что могильники находятся либо выше, либо ниже по течению близлежащей реки. Единой системы расположения погребальных памятников относительно поселений не существует. В этой связи встает вопрос: есть ли в этом мировоззренческая составляющая?

Семантика месторасположения

Мы выяснили, что дальность расположения некрополей относительно поселений обусловлена соображениями трудозатрат.

Погребальные памятники всегда имеют привязку к воде. Причем в нашем случае это всегда река, то есть вода, имеющая течение. Есть одно исключение – Запосельский могильник, расположенный на берегу Чашкинского озера. Однако здесь следует учитывать, что озеро это является старичным образованием левого берега р. Камы, протекающей в непосредственной близости, кроме этого, Чашкинское озеро не закрытый водоем, а имеет выход в Каму.

Близость к воде – общая черта для некрополей обеих археологических культур. Если они разнятся по расположению площадки относительно коренной террасы (склон или край), то близость к воде роднит их между собой.

Вода имеет большое значение в культуре всех существующих и существовавших народов. В погребальном контексте река, чаще всего, воспринимается как дорога для души умершего в мир мертвых, нижний мир.

Мы видим, что могильник может находиться относительно поселения как выше, так и ниже по течению. Таким образом, мы не можем утверждать однозначно, что нахождение некрополя указывает на его расположение на пути в мир мертвых, который расположен в нижнем течении, однако река в представлении многих народов мыслилась как космическая модель, осуществляющая связь между мирами [23, с. 218]. В любом случае, здесь подчеркивается вырванность погребального пространства из обыденности, его сакрализация.

Следует заметить, что для большого количества сибирских народов, у которых функция реки как связующей нити между миром живых и миром мертвых, в жизни которых реки играли важную роль, эти реки имели северное направление течения, то есть, по мифологическому мировоззрению, несли свои воды в страну мрака, в нижний мир. В случае с памятниками Пермского Предуралья такая трактовка реки в мировоззрении местного населения практически невозможна – крупные реки в большинстве своем имеют здесь либо западное, либо восточное направление течения, только р. Кама перпендикулярна им: причем течет она от верховьев сначала на север, затем разворачиваясь на юг.

Однако, на наш взгляд, разное расположение могильников относительно поселений можно объяснить разницей в мировоззрении тех групп населения, что их оставили. Так, например, у обских угров, как это следует из этнографических материалов, погребальный обряд (куда входит и месторасположение некрополя) имеет свои отличия даже внутри территориальных групп одного народа [23, с. 216]. Перенеся это утверждение на пермскую почву, мы можем предположить подобное влияние и на местные территориальные группы памятников. Следует отметить, что в период с V по XV в. только в междуречье рек Камы и Иньвы фиксируются 32 территориальные группы памятников [5].

Мы проанализировали погребальное пространство населения Пермского Предуралья с точки зрения трех его составляющих – относительно географических ориентиров, относительно взаимосвязи с поселениями и относительно семантики месторасположения. Погребальное пространство является особым в мировоззрении человека, и поэтому нахождение того или иного могильника в конкретном месте не случайно.

Абсолютно все могильники имеют привязку к реке. Причем до X в. это чаще всего склон коренного берега, а после – коренная терраса. Таким образом, в местонахождении погребальных площадок со временем нет значительной разницы, что может свидетельствовать о мировоззренческой преемственности у населения, их оставившего на протяжении веков.

Могильники располагаются в пределах окружности радиусом примерно 1 км, центром которой является поселение. Данный тезис подкрепляется схожими показателями как месторасположения средневековых некрополей, так и современных кладбищ. Данное расстояние для средневекового населения имело важное практическое значение – необходимо было решить задачу доставки покойника к месту погребения с минимальными трудозатратами.

О мировоззренческих различиях разных территориальных групп местного населения говорит также месторасположение кладбищ вверх или вниз по течению относительно поселения. Таким образом, не всегда река могла восприниматься как дорога в нижний мир, но всегда воспринималась как связующая нить между жилым и священным пространством.

Таблица 1

Расстояние до современных кладбищ

№	Населенный пункт	Расстояние до кладбища (км)
1	Харино	2,7
2	Агафоново	1,2
3	Тошиб (нежил.)	0,6
4	Верх-Лупья (нежил.)	0,3
5	Сойга	0,1
6	Конопля	0,1
7	Мыс	1,3
8	Кулига	1,5
9	Пашня	1,2
10	Монастырь	2
11	Базуево	1
12	Тиуново	0,8
13	Шипицыно	0,5
14	Данилово	0,5
15	Модоробо	0,2
16	Елево	0,6
17	Чуршино	0,8
18	Чемкосаино	0,5
19	Чажегово	1,2
20	Васькино	0,1
21	Коса	0,2
22	Юксеево	0,4
23	Митино	2,3
24	Бажово	0,4
25	Сизово	1,3
26	Чирково	0,4
27	Пуксиб	0,2
28	Левичи	0,2
29	Краснобай	0,3
30	Борино	0,1
31	Зуево	0,5
32	Кочево	0,3
33	Большая Коча	0,2
34	Малая Коча	0,2
35	Пешнигорт	0,5
36	Ивукова	0,8
37	Кудымкар	0,5
38	Ёгва	0,2
39	Архангельское	0,2
40	Юсьва	1,3
41	Ошиб	0,2
42	Мелехино	0,2
43	Антипино	0,3
44	Пиканово	0,4
45	Вороново	0,8
46	Азово	0,2

Окончание табл. 1

№	Населенный пункт	Расстояние до кладбища (км)
47	Майкор	0,2
48	Соболево	0,3
49	Пожва	0,3
50	Пашня	0,7
51	Кузьмино	1,5
52	Кыласово	1
53	Верхнее Калино	0,2
54	Антыбары	1,7
55	Саламатово	2
56	Ермаковка	2
57	Заозерье	2
58	Рождественск	0,6
59	Вдовино	2,2
60	Баяново	0,4
61	Таборы	0,2
62	Покча	0,3
63	Чердынь	0,3
64	Лимеж	0,3
65	Пянтег	0,1
66	Печинки	0,25
67	Шишигино	0,7
68	Большие Долды	1,1
69	Малые Долды	0,7
70	Очго-Жикина	0,2
71	Бондюг	0,1
72	Лазаневы	0,8
73	Харино	2,4
74	Кулига	0,7
75	Шудьякар	1,3
76	Авериные	1,5
77	Бисерово	1,3
78	Жарковы	1,6
79	Степины	1,5
80	Турушевы	2,8
81	Георгиевское	1,7
82	Щукино	2,8
83	Васькино	0,8
84	Габово	0,7
85	Сапегино	1,2
86	Волим	0,7
87	Перемское	1,5
88	Никулино	0,6
89	Нехайка	0,9
90	Куликово	2,2
91	Собольки	0,6
92	Усть-Игум	0,5
93	Булатово	1,2
94	Гора	1,3
95	Шушпанка	0,4
96	Красная Горка	0,1
97	Ведерниково	1,4
98	Никифорово	2,5
99	Брагино	1,2
100	Васильевское	0,2
101	Филатово	0,6
	среднее	0,8615
	min	0,1
	max	2,8

Таблица 2

Расстояние от средневековых поселений до могильников

№	Поселенческий памятник (если не указан тип, то селище)	Расстояние до могильника (км)	Могильник
1	Аверино I	0,5	Аверино I и II
2	Аверино II	0,4	
3	Аверино III	0,3	
4	Аверино IV	0,3	
5	Аверино V	0,15	
6	Аверино VI	0,1	
7	Аверино VII	1	
8	Аверино VIII	0,9	
9	Аверино IX	1	
10	Харино I	0,6	
11	Харино II	0,6	
12	Харино III	0,8	
13	Харино IV	0,6	
14	Харино V	0,65	
15	Харино VI	0,7	
16	Харино VII	0,85	
17	Харино VIII	0,95	
18	Харино IX	1	
19	Харино X	0,6	
20	Курья I	0,7	Агафоново I и II
21	Курья II	0,25	
22	Курья III	0,6	
23	Курья IV	0,5	
24	Курья V	0,2	
25	Пыштайн I	0,9	Пыштайн
26	Пыштайн II	0,2	
27	Пыштайн III	0,3	
28	Данилово I	0,5	
29	Харино I	0,8	Телячий брод
30	Телячий брод, городище	0,25	
31	Телячий брод	0,5	
32	Лисьи Норы, городище	1,5	Баяново
33	Лаврята, городище	2,5	
34	Важгорт II	1	Важгорт
35	Дойкар, городище	3	
36	Архангельское, городище	2,5	Запоселье
37	Усть-Велва	2,3	
38	Чашкино I	0,8	
39	Чашкино II	0,9	
40	Запоселье	0,4	Редикар
41	Редикар, городище	1,2	
42	Канево	0,2	Канево
43	Лопатино	2,4	
44	Плотниково I	0,6	
45	Плотниково II	0,7	
46	Плотниково III	0,6	Рождественский
47	Рождественск, городище	0,3	
48	Филипповское, городище	0,6	Урья
49	Борино, городище	1,2	
	среднее	0,765068	
	min	0,1	
	max	2,5	

Список литературы

1. Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова [и др.]. Пермь : ПГГПУ, 2014. 565 с.
2. Афанасьев Г. Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. Вып. 196. С. 3–12.

3. Белавин А. М. Редикарский археологический комплекс // Труды КАЭЭ. 2007. Вып. IV. С. 24–50.
4. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь : ПГГПУ, 2012. 259 с.
5. Вострокнутов А. В. Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н. э. по данным картографии // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации : мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Серия: Археология евразийских степей. 2017. Т. 1. С. 78–86.
6. Вострокнутов А. В., Шмуратко Д. В. Пермское Предуралье в V–VII вв.: реконструкция системы расселения с использованием ГИС // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 160–169.
7. Вострокнутов А. В., Шмуратко Д. В. Туйско-Полуденская территориальная группа археологических памятников V–VII вв. н. э. в Пермском Предуралье: опыт изучения с использованием ГИС-технологий // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. Вып. XIII. С. 101–107.
8. Генинг В. Ф. Урынский могильник // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. С. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 6.
9. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.
10. Голдина Р. Д. Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5576, 5577.
11. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1990. 179 с.
12. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. 216 с.
13. Данич А. В. Шумящие составляющие (цепочки и привески) шумящих подвесок Питер (Степаново Плотбище) могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. № 10. С. 54–62.
14. Данич А. В., Подосенова Ю. А. Бронзовые флаконовидные подвески Баяновского могильника ломоватовской культуры // Гуманитарные исследования. История и филология. Пермь : ПГГПУ, 2021. № 1. С. 7–19.
15. Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках могильника Телячий Брод I в Чусовском районе Пермского края в 2013 г. // Архив Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ. 2013.
16. Крыласова Н. Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 104–115.
17. Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г. Плотниковский могильник. Пермь : ПГГПУ, 2017. 223 с.
18. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье // Семинар «Культурный ландшафт» : первый тематический выпуск докладов / В. Н. Калущков [и др.]. Москва : Изд-во ФМБК, 1998. 136 с.
19. Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 г. // Архив Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ. 1989.
20. Ленц Г. Т. Протогородской Анюшкарский археологический комплекс на р. Иньва // Труды КАЭЭ. 2001. Вып. 1–2. С. 146–150.
21. Мингалев В. В. Раскопки могильника Пыштайн II в Гаинском районе Коми-Пермяцкого АО // Археологические открытия 2005 г. М. : Наука, 2007. С. 384–385.
22. Обороин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции 1960 г. Могильник близ д. Плесо Гаинского района // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. С. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 10.
23. Федорова Е. Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири // Реки и народы Сибири : сб. науч. ст. СПб. : Наука, 2007. С. 216–237.
24. Шмуратко Д. В. Митинская курганный группа: результаты раскопок 2020 г. // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. № 10. С. 63–71.
25. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во Московского университета, 1994. 144 с.

The burial space of the Perm Pre-Urals of the Middle Ages

A. V. Vostroknutov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National and Universal History,
Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0001-6133-0503. E-mail: art-vostr@mail.ru

Abstract. This article is devoted to an important aspect of the study of the human worldview – the funeral rite. The aim of the work is to identify the ideological features of the population of the Permian Urals, which are manifested through the practical features of the location of medieval burial grounds. Necropolises belonging to the Lomovaton and Rodanov archaeological cultures were analyzed. A description of the location of burial grounds from the point of view of geomorphology and relative to other geographical landmarks has been compiled. For the convenience of analysis, a desktop geoinformation system "Medieval funerary monuments of the Permian Urals" was created in the Quantum GIS program. Ethnographic data were also involved. Thanks to this, it was found that the medieval burial ground on the territory of interest to us is most likely located within a circle with a radius of about 1 km, the center of which is the settlement. This conclusion allows a prognostic approach to the study of the space around settlements. Differences were established in the location of funerary monuments of the VII–IX centuries from later ones (starting from the X century.). In addition to the above, the location of the funerary monuments was considered from a worldview standpoint. For example, the value of water in the funeral rite is analyzed. Burial grounds can be located both upstream and downstream from settlements. Based on similar data from the territory of Western Siberia, we can assert that such a difference in the location of the necropolis may indicate, among other things, the difference between one population group from another. Thus, the analysis of the burial space for the population of the Permian Urals in the Middle Ages allows us to approach the study of this period from several sides, which, in turn, makes it possible not only to analyze the socio-cultural situation in the region more deeply, but also to take a prognostic approach to the search for new archaeological monuments.

Keywords: archeology, burial ground, worldview, location, river.

References

1. *Arheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo ozera* – Archaeological monuments of the Chashkinsky lake / N. B. Krylasova [et al.]. Perm. PSHPU. 2014. 565 p.
2. Afanas'ev G. E. *Arheologicheskaya razvedka na novostroykah i prostranstvennyy analiz* [Archaeological exploration on new buildings and spatial analysis] // KSIA – KSIA. Is. 196. Pp. 3–12.
3. Belavin A. M. *Redikarskiy arheologicheskij kompleks* [Redikarsky archaeological complex] // *Trudy KAE* – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. 2007. Is. IV. Pp. 24–50.
4. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Ogurdinskiy mogil'nik* [Ogurdinsky burial ground]. Perm. PSHPU. 2012. 259 p.
5. Vostroknutov A. V. *Istoricheskaya dinamika naseleniya mezhdurech'ya Kamy i In'vy v V–XV vv. n. e. po dannym kartografii* [Historical dynamics of the population of the Kama and Inva interfluvies in the V–XV centuries A.D. according to cartography data] // *VII Halikovskie chteniya: srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: problemy issledovaniy, sohraneniya i muzeifikatsii: mat-ly Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Bilyarskoj arheologicheskoy ekspeditsii. Seriya: Arheologiya evraziyskikh stepej* – VII Halikov readings: medieval archaeological monuments of the Volga region and the Urals: problems of research, conservation and museification: materials of All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Bilyar archaeological expedition. Series: Archeology of the Eurasian Steppes. 2017. Vol. 1. Pp. 78–86.
6. Vostroknutov A. V., Shmuratko D. V. *Permskoe Predural'e v V–VII vv.: rekonstruktsiya sistemy rasseleniya s ispol'zovaniem GIS* [Permian Urals in the V–VII centuries: reconstruction of the settlement system using GIS] // *Ural'skiy istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2021. No. 1 (70). Pp. 160–169.
7. Vostroknutov A. V., Shmuratko D. V. *Tujsko-Poludenskaya territorial'naya grupp arheologicheskikh pamyatnikov V–VII vv. n. e. v Permskom Predural'e: opyt izucheniya s ispol'zovaniem GIS-tekhnologiy* [Tuysko-Poludenskaya territorial group of archaeological monuments of the V–VII centuries A. D. in the Permian Urals: experience of studying using GIS technologies] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* – Proceedings of the Kama archaeological and Ethnographic expedition. 2017. Is. XIII. Pp. 101–107.
8. Gening V. F. *Ur'inskiy mogil'nik* [Uryinsky burial ground] // *Arhiv Komi-Permyakskogo kraevedcheskogo muzeya im. P. S. Subbotina-Permyaka* – Archive of the Komi-Permyak Museum of Local Lore n. a. P. S. Subbotin-Permyak. F. 926. Inv. 1. File. 6.
9. Goldina R. D. *Lomovatonovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatonov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 280 p.
10. Goldina R. D. *Otchet ob issledovaniyah Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspeditsii v 1974 g.* [Report on the research of the Kama-Vyatka archaeological expedition in 1974] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. F. P-1. Files 5576, 5577.

11. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki Nevolinskoj kul'tury v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolin culture in the Urals]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University, 1990. 179 p.
12. Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamyatniki verhov'ev Kamy* [Medieval monuments of the upper Kama River]. Sverdlovsk. Publishing House of the Ural University. 1989. 216 p.
13. Danich A. V. *Shumyashchie sostavlyayushchie (cepochki i priveski) shumyashchih podvesok Piter (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika* [Noisy components (chains and attachments) of noisy suspensions of the Peter (Stepanovo Plot) burial ground] // *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Herald of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals. 2020. No. 10. Pp. 54–62.
14. Danich A. V., Podosenova Yu. A. *Bronzovye flakonovidnye podveski Bayanovskogo mogil'nika lomovatojskoj kul'tury* [Bronze bottle-shaped pendants of the Bayanovsky burial ground of the Lomovato culture] // *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* – Humanitarian studies. History and philology. Perm. PSHPU, 2021. No. 1. Pp. 7–19.
15. Krylasova N. B. *Otchet o raskopkah mogil'nika Telyachij Brod I v Chusovskom rajone Permskogo kraja v 2013 g.* [Report on the excavations of the Telyachy Brod I burial ground in the Chusovsky district of Perm Krai in 2013] // *Arhiv Laboratorii arheologicheskoi trasologii, antropologii i eksperimental'noj arheologii PGGPU* – Archive of the Laboratory of Archaeological Tracology, Anthropology and Experimental Archeology of the PSHPU. 2013.
16. Krylasova N. B. *Hronologicheskie osobennosti material'noj kul'tury X-XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae)* [Chronological features of material culture of the X-XI centuries. (based on the materials of the Christmas burial ground in the Perm Region)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* – Herald of Perm University. Series: History. 2013. No. 1 (21). Pp. 104–115.
17. Krylasova N. B., Bryuhova N. G. *Plotnikovskij mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground]. Perm. PSHPU. 2017. 223 p.
18. *Kul'turnyj landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e* – The cultural landscape of the Russian North: towns, Seaboard // *Seminar "Kul'turnyj landshaft": pervyj tematicheskij vypusk dokladov* – Workshop "Cultural landscape": the first thematic issue papers / V. N. Kalutskov [and others]. M. Faculty of International Business Communications Publ. 1998. 136 p.
19. Lenz G. T. *Otchet o polevyh issledovaniyah Antybarskogo mogil'nika v Chusovskom rajone Permskoj oblasti v 1988 g.* [Report on field research of Anabarsk burial in Chusovskoy district, Perm region in 1988] // *Arhiv Laboratorii arheologicheskoi trasologii, antropologii i eksperimental'noj arheologii PGGPU* – Archive of the archaeological Laboratory of trace analysis, anthropology, and experimental archaeology of Perm. 1989.
20. Lenz G. T. *ProtogorodskojAnyushkarskij arheologicheskij kompleks na r. In'va* [Proto-urban Anyushkar Archaeological Complex on the river Inva] // *Trudy KAE* – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. 2001. Is. 1–2. Pp. 146–150.
21. Mingalev V. V. *Raskopki mogil'nika PyshtajniI v Gainskom rajone Komi-Permyackogo AO* [Excavations of the Pyshtainii burial ground in the Gayinsky district of the Komi-Perm Autonomous Okrug] // *Arheologicheskie otkrytiya 2005 g.* – Archaeological discoveries of 2005. M. Nauka (Science). 2007. Pp. 384–385.
22. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoi ekspedicii 1960 g. Mogil'nik bliz d. PlesoGainskogo rajona* [Report on the work of the archaeological expedition 1960. Burial ground near Plesogainsky district] // *Arhiv Komi-Permyackogo kraevedcheskogo muzeya im. P. S. Subbotina-Permyaka* – Archive of the Komi-Permyak Museum of Local Lore n. a. P. S. Subbotin-Permyak. F. 926. Inv. 1. File 10.
23. Fedorova E. G. *Reka v pogrebal'noj obryadnosti narodov Sibiri* [River in the funeral rites of the peoples of Siberia] // *Reki i narody Sibiri: sb. nauch. st.* – Rivers and peoples of Siberia: collection of scientific articles. SPb. Nauka (Science). 2007. Pp. 216–237.
24. Shmuratko D. V. *Mitinskaya kurgannaya grupa: rezul'taty raskopok 2020 g.* [Mitinskaya kurgan group: the results of excavations in 2020] // *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Herald of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals. 2020. No. 10. Pp. 63–71.
25. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. M. Publishing House of Moscow University. 1994. 144 p.